

— Так вы с Юань Цзяньцзюнем забрали мой телефон не ради съёмок, а чтобы я не узнал о Жун И. Отличная задумка, я даже не заподозрил ничего подозрительного.

— Конечно, это было и для съёмок, — мягко и наставительно произнёс Линь Ци. — Но я и Юань Цзяньцзюнь решили, что по разным причинам лучше тебе не знать...

— Ради моего же блага, да? — холодно усмехнулся Цюй Хайяо. — Прежде чем решать, что для меня лучше, вы спросили моё мнение? Хочу ли я следовать вашим добрым намерениям? Я взрослый человек, и у меня есть право принимать решения за себя, верно? Ты мой менеджер, а не мой опекун, мне не нужно, чтобы ты, как глава семьи, решал за меня всё, от свадьбы до похорон!

Линь Ци так разозлился, что у него заболел желудок, и он резко повысил голос:

— Я не сказал тебе, потому что знаю, какой ты! Что ты можешь сделать, если узнаешь? Что ты хочешь сделать? Что ты можешь сделать? Кроме того, чтобы самому себя изводить, какая польза от того, что ты узнаешь? Ты думаешь, Жун И и его команда ничего не могут? Ему нужно, чтобы ты нервничал и переживал? Сначала подумай, сколько ты вешишь, прежде чем спорить со мной, а то люди подумают, что я вырастил неблагодарного!

Цюй Хайяо выглядел пугающе мрачным, его обычно милые глаза сузились, и он пристально смотрел на Линь Ци, создавая в тёмном салоне машины атмосферу, словно там сверкали молнии.

— Что я хочу сделать? Что я могу сделать? — внезапно наклонившись к Линь Ци, он произнёс это с опасным блеском в глазах. — Хочу я или могу я, ты сделал так, что все возможности исчезли. Потому что в небе ракеты, ты отрезал крылья птицам, чтобы они не летали? Как ты до такого додумался?

Линь Ци рассмеялся от злости:

— Ты хочешь сказать, что я отрезал тебе крылья?

— А ты думаешь иначе? Сегодня ты обманул меня, чтобы я отключил связь, а как я узнаю, что ты завтра не обманешь меня в чём-то другом? Ты до сих пор не понимаешь, почему я злюсь. Я злюсь, что ты из-за такой ерунды скрывал от меня правду и обманывал меня! Ты думаешь, почему я ничего не заподозрил? Потому что я даже не думал, что ты можешь меня обмануть! Если ты мне не доверяешь, то зачем заставляешь меня тоже тебе не доверять? Ты перед этим хоть подумал?

— Раньше я не замечал, что ты так умеешь навешивать ярлыки. Я тебе не доверяю? Ты просто говоришь, что первое в голову пришло...

— Если бы ты хоть немного мне доверял, ты бы так не поступил! Ты не сказал мне, потому что не верил, что я смогу сохранить спокойствие, не верил, что меня можно будет уговорить. Я хочу спросить, ты что, меня презираешь или себя? Ты такой умный, как я теперь могу тебе доверять?

Линь Ци плотно сжал губы, и на мгновение его мозг и губы стали бледными. Цюй Хайяо был прав, все эти «ради твоего блага» и беспокойство исходили из недоверия Линь Ци к Цюй Хайяо в этом вопросе, но откуда взялось это недоверие? Линь Ци глубоко вздохнул, и его голос стал ещё тише.

— Будешь ли ты мне доверять в будущем, мне всё равно, но одно я тебе скажу: моё беспокойство и недоверие к тебе в этом вопросе длится не первый день.

Их взгляды встретились, и каждый увидел в другом непреклонность.

— Я уже говорил, что не могу контролировать, какие у тебя личные отношения с Жун И. Но это не значит, что я не беспокоюсь. Его статус налицо, а ты сейчас на пике. Я не хочу говорить больше, но советую тебе хорошенько подумать.

— Я в этой сфере намного дольше тебя, и примеров, когда из-за чувств люди теряли карьеру, а потом жалели, — множество. Цюй Хайяо, слушай, я не боюсь, что ты ударишься о стену, но боюсь, что ты пожалеешь.

Сказав это, и Линь Ци, и Цюй Хайяо полностью открылись друг другу в этом вопросе. Цюй Хайяо в глубине души понимал это, но только теперь, когда Линь Ци всё выложил, он осознал, что Линь Ци уже много раз, прямо или косвенно, выражал свои опасения, и Цюй Хайяо это замечал, но делал вид, что не замечает.

Он делал вид, что его отношения с Жун И были обычными, просто дружескими отношениями между старшим и младшим коллегами, но само слово «делать вид» уже всё объясняло. Его отношения с Жун И давно свернули в таинственное, прекрасное и опасное направление, и они шли по этому незнакомому саду, как по тонкому льду, но притворялись, что просто идут по обычной земле.

По крайней мере, сам Цюй Хайяо так думал. А Жун И...

Он открыл интерфейс WeChat на своём телефоне, в переписке с Жун И не было новых сообщений, последний раз они общались перед тем, как Цюй Хайяо уехал на съёмки, и он отправил Жун И фотографию, которую тайком сделал, когда Жун И ел приготовленную им еду.

А теперь, подумав, Жун И действительно не знал, что его снимают?

Цюй Хайяо тихо прикусил нижнюю губу. Он никогда ни с кем, кроме Жун И, не испытывал такой глубокой снисходительности к себе. Эта снисходительность не была вседозволенностью, когда просишь звёзды, а тебе дают луну, а была твёрдой, как камень, силой мужчины, который ради него снова и снова отступал от своих принципов. Жун И, который не знакомил людей просто так, Жун И, который не участвовал в реалити-шоу, Жун И, который не приводил коллег домой...

«Жун И, кем я являюсь для тебя? Ты смотришь на меня так же, как я смотрю на тебя?»

На премьере фильма «Без сердца и без меча» Жун И снова увидел Цюй Хайяо. Примерно неделю назад он узнал от Ло Яня, что Цюй Хайяо завершил съёмки, и Линь Ци специально предупредил Ло Яня, что Цюй Хайяо был в ярости из-за того, что его держали в неведении, и если он скажет что-то неприятное, чтобы они не обижались.

Но Цюй Хайяо не связался с ним первым.

Жун И в последнее время изучал курс финансовой психологии. Хотя его выгнали из съёмочной группы фильма «Горный пожар», интерес к финансовой психологии, возникший благодаря этому фильму, не угас. Поскольку его график освободился, когда Ло Янь спросил его, хочет ли он сниматься в другом фильме или заняться чем-то ещё, Жун И выбрал учёбу.

Это было его осознанное решение. Жун И никогда не играл ролей, кроме главных, и это означало, что каждый раз, снимаясь в фильме, он тратил много времени на подготовку, от подготовки до завершения съёмок могло пройти полгода или год, не считая монтажа, озвучки и промоушена. Если бы он сейчас поспешил сняться в фильме, времени на подготовку было бы недостаточно, и это бы помешало промоушену «Без сердца и без меча», и всё бы развалилось.

Ло Янь, хорошо знающий стиль работы Жун И, тоже предположил, что он не станет сниматься в новом фильме, но он думал, что Жун И проведёт это время, путешествуя или совершенствуя свои музыкальные навыки, которые он недавно возобновил. Он не ожидал, что Жун И потратит это время на учёбу.

А Жун И знал себя лучше всех. Недавний поток событий нахлынул на него, и сейчас ему нужно было не развлекаться или усердно работать, а привести мысли в порядок и восстановить ясность ума.

За последние десять с лишним лет, в первой половине этого времени Жун И изо всех сил боролся за выживание, а во второй, ухватившись за возможность, взлетел вверх, и струна внутри него всегда была натянута, пока в тот день, когда он пришёл на съёмки фильма «Горный пожар», ему не сообщили, что кинокомпания «Лэфань» вложила средства, и режиссёр решил его заменить. В тот момент Жун И почувствовал, как струна внутри него ослабла, и даже его тело потеряло силу.

Телефон завибрировал, и Жун И, ещё не до конца осознавая, машинально открыл сообщение.

<http://bllate.org/book/16304/1471178>